

А. П. Чехову

138

Лариса Блинков

НОЧНОЙ ТОПОЛЬ

«Кто мог знать, волнуется он
или нет... сложная глубокая душа»
И. Бунин «О Чехове»

1.

...то умолкал он, слегка покачиваясь,
А то порой пламя какое-то
с ног до головы
внезапно окутывало его
сумеречно-белесоватой рябью,
и весь он словно светился изнутри
невысказанными своими тайнами,
и степь,
степь неоглядная
всякий раз оживала
и шелестела едва слышно
в каждом его затаённом вздохе.

Тихо и осторожно,
стараясь не спугнуть ни один блик,
входил я в этот воздух,
в эти серовато-замшелые сети,
это трепетанье,
надеясь уловить, высмотреть, понять:
как же это он слагает
свою прозрачную прозу –
нет, лучше сказать –
свои пронизанные серебристым мерцанием,
и струящиеся в глубину корней
стихи.
Я недоумевал:
откуда в нём,
таком, с виду стройном,
элегантном даже,
так много первобытных лишайников,
мха дремучего...
Откуда в нём эта паутина,
это серое висенье умаявшейся летучей мыши!

И ведь он будто бы понимает эти муки,
эту влажную вселенскую дрожь
затаившегося кокона,
а самое главное – тогда,
когда ветер! –
и как только ему удаётся
так преобразиться:
стать обыденным
и похожим неожиданно
на всех,
на всё окружающее,
и в этой **пьесе** своей
он так же буйствует,

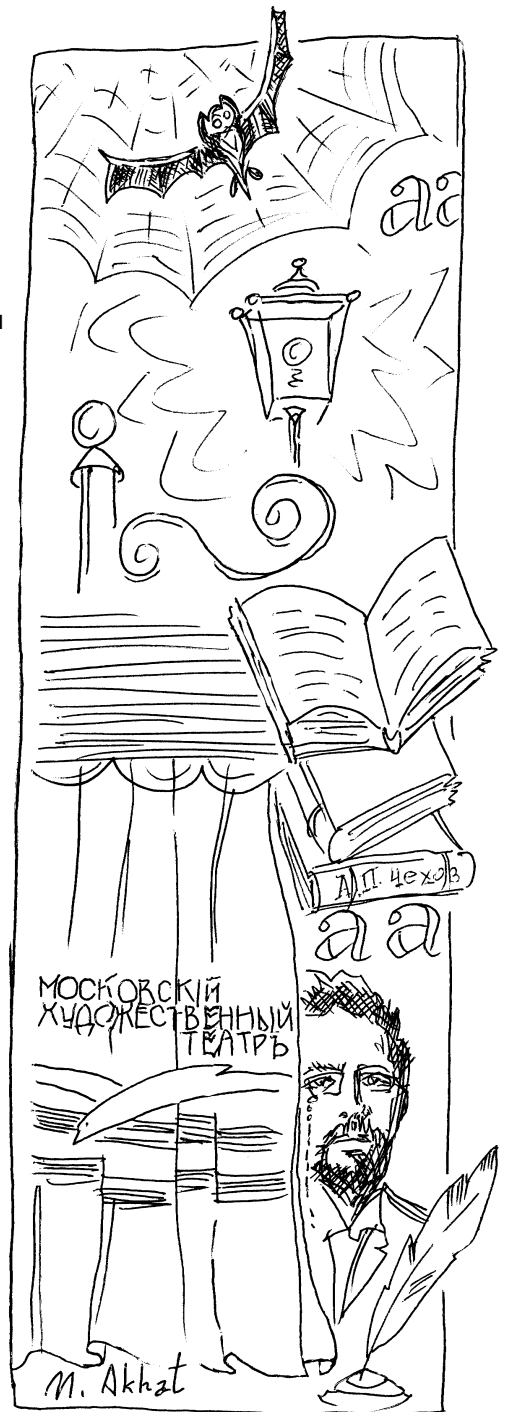
так же ораторствует
 в сумеречно своём запале,
 и он столь же по-актёрски деятелен
 и неприметен, как все.
 Но – крылья!
 Крылья у него, кажется, и тогда
 будто вдвое больше, чем у всех прочих –
 тех, кто подобно ему, всё же силится взлететь,
 но, увлекаемый незримым ужасом
 мгновенного небытия,
 оказывается *театрально изувеченной*,
 трафаретно изувеченной *чайкой*,
 неестественным и отвратительно красивым узором
 распластанной на мокром песке
 декоративного побережья.

Но когда он начинает быть
 уж совсем ни на кого не похожим,
 и пробуждается изнутри
 лёгкое полыхание и лепет –
 это тогда,
 когда ветра-то как раз и нет!
 И луны нет.
 (Но что-то всё-таки серебрит
 и как-то слегка зажигает его седину.)
 Тогда до меня долетает вдруг
 этот тихий прохладный шёпот,
 и я начинаю понимать:
 «нет, это не пустяк –
 листвы безлунной трепетанье,
 и это трепетное таянье
 тончайших бликов и...»

Но вот я,
 стараясь быть ещё более неприметным,
 чем его безлунная тень,
 приблизился
 к раскрытым страницам его повести,
 и будто бы совсем случайно
 взглянул туда,
 куда он был устремлён
 всей своей непреднамеренной листвой.

2.

Ах, вот оно что! –
 совсем невдалеке
 через дорогу
 робкое деревце
 чуть выступало
 из недвижимого пространства
 ночного *закулисья*,

всё окутанное лимонным светом
 весьма кстати оказавшегося рядом
 фонаря.

С чуть приметной застенчивостью
 (почти кустик,
 только уж очень высокий)
 стояла она,
 стройная молодая липка,
 вся прозрачная листвою
 перед бархатной *портьерой*
 безмолвного ночного *театра*,
 стояла она,
 единственная актриса
 на той обнажённой сцене тротуара,
 чуть покачиваясь,
 совершенно, как и он иногда
 (только ещё призрачнее и невесомее),
 и вся излучала такую тишину,
 такую щемящую свежесть,
 недоступную банальным рукоплесканиям,
 что и я ощутил,
 почувствовал, что весь погружён
 в эту тёмно-сиреневую маяту
 тополиной страсти,
 что руки мои покрываются уже
 нежно-серебристой замшелостью,
 слегка фосфоресцирующей в темноте,
 что глаза, мои глаза –
 уже не мои.

3.

Я,
 прежде не допускавший и мысли,
 что за столом поэта
 может быть какое-то и иное
 освещение,
 кроме лунного,
 всегда презиравший
 обнажённую мишуру торшеров
 и полуночных фонарей
 (свеча – и та смотрела на меня
 с насмешливым подозрением),
 Я
 обнаружил здесь
 каким-то внутренним зеркалом,
 что начинаю видеть то же, что и он,

мой неуёмный серебристолистый воздыхатель,
 что и дышу-то я
 уже не своей листвою –

что это – он, он,
что я, так же, как и он,
весь окутанный тем же трепетаньем,
устремляюсь куда-то,
бормоча и пошатываясь;
и совершенно так же, что и он,
не понимаю уже –
как можно чего-то иного желать,
что-то иное видеть,
кроме этого одинокого фонаря,
этого ослепительного и бесстрастного
светового потока,
и такой нежной под ним,
зеленовато-прозрачной,
чистой
после вечернего дождя
молодой липки;
и что разве столь уж необходимо,
чтобы что-то ещё,
какие-то особые слова,
чтобы какой-то иной ветер,
какой-то ещё **спектакль** состоялся,
дабы выразить,
попытаться высветить то,
что невозможно,
чего не может быть,
потому что...
чего уже никогда...

Корни мои ощутили упругую свежесть
и полноту.
Лёгкое мерцающее покалывание
глубоко заструилось где-то внутри ствола
и охватило, поднявшись, вес ветви,
всю мою листву – целиком.

4.

...А утром
он – вполне будничен, запылён,
сер и обветшал. И – боже! –
кажется, – в очках и с бородкой
(и с зонтиком – в виде трости);
и я едва узнаю его,
непроизвольно обернувшись.

Он вежливо и галантно
застывает в приветствии,
словно бы приподняв шляпу...

Но не говорит ни слова.

24/1–15.XXI